

Надежда Андреевна Дурова

**Игра судьбы, или
Противозаконная любовь**

Надежда Андреевна Дурова

Игра судьбы, или

Противозаконная любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7423895

Аннотация

«Мне было пять лет, когда я увидела Елену в первый раз. Это было прекрасное годовое дитя. Мать моя часто бывала у госпожи Г*** и всегда брала меня с собою; мне должно было с важностию и скукою сидеть на одном месте, близ матери, пока хозяйка не возгласит громогласно: «Акулина! Леночка встала?» – «Встала, матушка!» – отдавался голос из другой отдаленной горницы!..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Надежда Андреевна Дурова
Игра судьбы или
противозаконная любовь
Истинное происшествие,
случившееся на
родине автора

Мне было пять лет, когда я увидела Елену в первый раз. Это было прекрасное годовое дитя. Мать моя часто бывала у госпожи Г*** и всегда брала меня с собою; мне должно было с важностию и скукою сидеть на одном месте, близ матери, пока хозяйка не возгласит громогласно: «Акулина! Леночка встала?» – «Встала, матушка!» – отдавался голос из другой отдаленной горницы!

При этом ответе мне делалось веселее. «Принеси ее сюда». И вот вносят на белой атласной подушке, пышно украшенной дорогими блондами, прекраснейшее дитя, какое можно себе представить. Все в свете амуры должны были бы уступить ему! Никакое перо не могло бы в точности описать белизны, полноты, пленительности форм, нежности, восхищающих черт лица этого маленького ангела! От нее нельзя было глаз отвести: она влекла к себе неодолимою силою и взо-

ры, и ласки, и любовь всего, что окружало, что видело ее! А мать?.. Душа ее жила в этом ребенке, которого она сама называла собранием изящнейших красот.

Итак, Елену приносили и сажали на цветистый ковер, который нарочно для этого расстилали на полу; мне позволяли сесть тут же играть с нею.

День за день, месяц за месяцем, дитя росло, еще более хорошело и делалось смышленнее: она уже ходила, много лепетала и удивляла всех тем, что могла еще становиться прекраснее, тогда как всякому казалось, что красота ее достигла своего совершенства.

Итак, хотя Елена была уже прекрасна, как амур, но со всем тем каждый год прибавлял что-нибудь к ее приятностям. Елене минуло одиннадцать лет, а мне шестнадцать. Я выступила из своей сферы, чтоб стать под развившуюся тогда нашу орифламму,¹ и через то года на три потеряла Елену из виду; а она между тем цвела в тиши и глуши маленького городка северной губернии. Справедливо можно было сравнить ее с прекрасным, пышным и дорогим цветком, случайно выросшим в заглохшей дебри между мхом, валежником, соснами, опаленными молниею, дикими травами и репьями; во второй приезд мой в отпуск я увидела уже Елену Г*** невестою; ей был четырнадцатый год в половине.

«К чему торопиться, друг мой? дом наш, как полная чаша;

¹ Орифламма – здесь: знамя; собственно орифламма (aegaeum flamma – золотое пламя) – древнее знамя французских королей.

всем обилен, всего довольно: серебра, жемчугу, образов в дорогих окладах, шуб, платьев. Леле не прожить всего этого и во сто лет; к чему ж так спешить выдавать ее?» – «Какой ты чудак! Пока мы живы, так и надобно пристроить ее! как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать покойно конца. долг свой исполнили». – «Да неужели нельзя подождать хоть год, по крайности? ведь ей нет еще полных четырнадцати лет». – «А знаешь ли ты, что нынче девица в осьмнадцать лет считается уже невестой зрелую, а в двадцать ее и обходят, говоря: ну, она уже не молода, ей двадцать лет!» – «Но нашей Елене не будет ни двадцать, ни осьмнадцати через год: ей минет только пятнадцать». – «А разве за ничто считаешь упустить жениха? Разве думаешь, что жених для нее сейчас готов, как только мы вздумаем отдать ее?» – «А почему ж бы и не так?» – «Право? А не хочешь ли перечесть по пальцам, сколько у нас в городе старых девок? Тоже были когда-то хороши собой». – «Но достаток-то наш, матушка, сочти за что-нибудь; наша Елена богатая невеста, так женихи всегда будут». – «Видно, ты еще не знаешь нынешних женихов!.. Да и что тебе так не хочется отдать ее за Лидина?» – «А тебе отчего такая охота непременно отдать за него?» – «Имею свои причины, мой друг». – «Нельзя ли и мне знать их?» – «Очень можно, и даже должно: Леля любит Лидина». – «Только-то? это еще не беда! полюбит да и перестанет». – «Какой вздорный ответ! Я не ожидала услышать его от пятидесятилетнего мужчины – отца!» – «Это почему?» – «Потому, сударь,

что я ведь не сказала вам: Лидин нравится Леле! Леля имеет склонность к Лидину! Я говорю, Елена любит Лидина! поймите это: любит; итак, судя по ее характеру, способному к сильной привязанности, от этой любви может зависеть счастье и несчастье всей жизни ее!» – «Ну, ну, бог с тобой! ты настрашала меня; делай, что хочешь! не знаток я в ваших раздроблениях любви на такую, сякую, десятую, двадцатую! По-моему – так любовь все одна!» – «Ну, так прикажешь готовить все к помолвке?» – «Пожалуй! Если уже это у тебя решено».

Через месяц после этого разговора старого Г*** с его женой прекрасная головка Елены красовалась в блондовом чепчике с розовыми атласными лентами, и ее пленительное личико, сделавшееся теперь еще пленительнее, сводило всех с ума; она была уже госпожа Лидина.

«Что это, какая красавица Лидина! – говорит молодой стряпчий² Атолин, задумчиво поправляя перед зеркалом свои незрелые усики. – Счастливец муж ее!.. недостойный счастливец!» Он отошел от зеркала, бросился в кресла, вздохнул, облокотился на руку и задумался... «Лидина!.. – начал он опять, – красота неземная! но как может она любить его?., а как любит!., ах, как она любит его!., вчера, услышав, что его командируют на месяц в уезд, она побледнела, как лилия, и, не имея сил скрыть свою печаль, побежала бро-

² Стряпчий – в России 1775–1864 гг. стряпчими назывались некоторые судебные чиновники

ситься на грудь этого Карайба,³ и я слышал, как она лепетала, целуя манишку его: „Дружочек, я с тобою поеду! я не останусь здесь!“ – „Полно Леночка, не мешай; что ты!“ – и он имел дух отвести ее рукою от груди своей! этого ангела, столь юного и прекрасного! Он не взглянул даже на нее и продолжал играть и курить так спокойно, как будто не жена, подобная амуру, со слезами жалась к груди его, а собака пришла полизать руку, поласкаться, и которую он отогнал, чтоб не мешала!..» – «Ха! ха! ха! – раздалось за дверьми гостиной. – Атолин! не с ума ли ты сошел? что ты тут разговариваешь сам с собою? – Лидин, легкий на помине, растворил дверь и остановился на пороге, – что с тобою, брат? не в горячке ли ты? что ты бредишь? велика дать водки, я заехал к тебе проститься, меня откомандировали по делу на целый месяц, тебе ведь тоже надобно будет приехать». Атолин велел подать завтрак. «Ты прямо из дому, Лидин?» – «Нет, я заезжал проститься к Верочке и Дунюшке». – «Какой вздор! ты шутишь!» – «Нет, право, не шучу! я сейчас от них». – «Возможно ли!., от такой красавицы жены!., два месяца как женат!., и поехал к двум известным негодяйкам!.. Лидин? человек ли ты?..» – «Ах, полно, надоел, вот точно же! моя: заахал, завосклицал: человек ли ты?.. козел ли ты собака ли ты?.. Ну, к чему это вранье? Разумеется, я человек, а чтобы еще более мог увериться в этом, так вели подать поболее хорошего вина. Скоты пьют одну воду». Атолин невольно рас-

³ Карайбы– группа племен индейцев Южной Америки. Здесь – дикарь.

хохотался, велел принести вина, и, пока Лидин пил его, стакан за стаканом, он думал: Лидина будет моя! Не может она долго любить его; иначе у нее был бы какой-то дьявольский вкус, чего, кажется, нельзя предполагать; теперь она все еще не знает его, но... будет, будет моя непременно!

Лидин только что определился на службу в том городке, где отец Елены был чиновником. Он вовсе и не думал о женитьбе; но как он был собою молодец, довольно ловкий с дамами, довольно вежливый со старухами, довольно образованный, довольно сведущий по тамошнему месту, довольно буйный, довольно развратный, то мать Елены, не имевшая о двух последних его качествах никакого понятия, потому что он тщательно скрывал их, и пленяясь только видимыми достоинствами, в душе нарекла его своим зятем и, сообразно с этою целью, стала приглашать его то на вечер, то на обед, то на гулянье за город, – и таким образом мало-помалу он сделался наконец вседневным гостем в их доме; на Елену смотрел он равнодушно, любовь была для него чувство вымышленное; никогда ни малейший отголосок ее не отзывался в его чугунном сердце, но, однако ж, глаза его видели предметы точно так же, как глаза всех других людей; например, он очень хорошо видел, что Елена необыкновенная красавица, что лебединая грудь ее и шея полна жемчугу, что шкафы старого Г*** полны серебра, сундуки полны дорогих тканей и мехов, кладовые полны всем; хорошо понимал, что лестно быть владельцем всего этого, и, нако-

нец, был совершенно уверен, что от него зависит сделаться им; ко всему этому он видел, понимал и был уверен, что его любят страстно!.. Вследствие всех этих соображений Лидин скоро исполнил дражайшее желание безрассудной Г***, сделав предложение о браке, он получил согласие в ту же минуту, и все сделались веселы и счастливы, как нельзя более. Старуха видела Леночку пристроенною. Елена дышала любовью и была тенью своего бесценного Лидина. А Лидин? Лидин весело и беззаботно сидел на диване, курил дорогой табак из дорогой трубки с дорогим чубуком; ласково смотрел на белую шейку невесты; на ней был такой превосходный крупный жемчуг!! В прекрасные глаза ее он смотрел только тогда, когда говорил с нею, да и на что же больше? Что бы он увидел в них? Выражение кротости, добродушия, нежную любовь, красоту, блеск, длинные ресницы? Что ему во всем этом? Все это будет его навсегда, успеет еще насмотреться. Дело пошло обычной чередой: жених сделался мужем, и прекраснейшая девица, почти еще не вышедшая из детских лет, неусыпным старанием родной матери отдана во власть человеку развратному, пьяному и картежнику; благоразумная матушка, до сего времени терзавшаяся страхом, чтоб ее дочь не осталась в девках, теперь успокоилась: Леночка замужем! Леночка пристроена! Однако ж она еще дитя! ей не исполнилось четырнадцати лет! страстная любовь ее к Лидину точно ли любовь? ответ на этот вопрос может дать одно только время. Что-то скажет свет, кого обвинит, когда Елена, в ле-

та развития ума, пробуждения чувств, увидит, какое недостойное существо идет о бок с нею по дороге жизни; увидит и, по неотъемлемому праву человека управлять самому своею волею, отдалится от ненавистного товарищества!.. и это еще будет лучшее; но если она пойдет иначе!.. тогда злобный свет, наверное, оставит в покое глупую мать, слабого отца, подлого мужа и обрушится всею тяжестью неправого суда своего на бедное четырнадцатилетнее дитя!..

«Знаете ли, матушка протопопица, какую новость скажу вам?» – говорила купчиха Круглова, вваливаясь в комнату, чистую, прохладную, обставленную портретами всех бывших, настоящих и будущих архиереев. Протопопица, в платочке и шугае чинно сидевшая на красном сафьянном канapé, встала, поцеловалась с гостьею, попросила ее сесть и тогда уже спросила звонким серебристым голоском своим: «Какую ж это новость, матушка Анисья Ивановна, хотите рассказать мне?.. прошу покорнейше, я очень люблю слушать новости». – «Вот извольте видеть... только это, матушка, пусть останется между нами до времени; не говорите никому». – «Извольте, извольте, я не такого десятка! я не люблю рассевать слухов. Итак, что же вы слышали?» – «Вчера муж мой с бургомистром, ратманом, словесным⁴ и еще двумя богатыми мещанами на радости – что взяли выгодную

⁴ Бургомистр – глава органов городского самоуправления, русское название – градской голова; ратман – в России XVIII–XIX вв. выборный член городских магистратов и ратуш; словесный – служащий Словесного суда, т. е. суда по торговым делам, производившего словесное разбирательство по словесной просьбе.

поставку хлеба – гуляли часов до трех за полночь!.. Это я вам рассказываю, матушка, извольте видеть, для того, чтоб вы изволили понять, почему я узнала дело, которое таилось в темноте глубокой ночи. Муж мой, расставшись с пирующими друзьями, возвращался домой довольно уже навеселе, улицы были пусты, как обыкновенно бывает в этот час; все спало; нигде ничто не шелохнуло; и он брел нога за ногою, почти уже в дремоте; вдруг до слуха его стали доходить какие-то невнятные слухи; он остановился, чтоб шелест собственных шагов не мешал ему слышать; остановился и стал прислушиваться; показалось ему, что кто-то плачет; он стал потихоньку подвигаться вперед, плач делался явственнее; подошел еще ближе, он ясно слышит стон, рыдания, всплескивание руками! Прижавшись к домам, он подходит под самые окна дома, где плакали, и видит женщину, одетую не по-спальному, лежащую грудью на окне и смотревшую то в ту, то в другую сторону вдоль улицы; она попеременно то горько плакала, рыдала, била себя в грудь, то опять выставлялась как могла далее из окна и смотрела по улице. Это продолжалось более часа, начали уже петь петухи, но муж мой все еще стоял под окном; ему хотелось дожидаться, чем это кончится, и вот, в отдалении, послышалась походка чья-то, муж мой пробрался по стене от окна к небольшому углублению в заборе, где и спрятался, так, однако ж, что, не будучи видим, сам мог видеть все пространство улицы перед домом, где происходила сцена: человек приближался скоры-

ми шагами, но неровными, что показывало его беспрерывное пошатывание из одной стороны в другую. Как только слышались шаги его, рыдания затихли, и когда он подошел так близко, что плачущая особа могла узнать его, то вместе с восклицанием радости раздался стук поспешно закрытого окна; шатающийся человек спешил к воротам и, сказав отрывисто: дура! отворил их ударом ноги и скрылся за хлопнувшей сильно половинкою ворот». – «Знает муж ваш, чей этот дом?» – «Как не знать!.. один из лучших». – «В самом деле? кто же?» – «Отгадайте». – «Может быть, Степанида Юрьевна? Ее муженек погуливает; только она способнее накричать, разбранить и даже побить, нежели рыдать до свету; нет, нет, это не она». – «Разумеется, не она, ей уже не привыкать проводить ночи розно с мужем. Нет, матушка; это новинка, угадывайте». Протопопица подумала минут с пять: «Неужели же это! но нет, не может быть!..» – «О ком вы думаете?» – «Лидина?» – «Она и есть!» – «Ах, боже мой! Боже мой!.. три месяца только замужем!..» – «Да, матушка! прибавьте к этому: такая красавица! четырнадцати лет, с несметным богатством!» – «Ну что касается до несметного богатства, то я думаю, что новобрачный скоро ему сделает смету». – «Да и я тоже слышала, что для этого конца он начинает хорошо: неделю тому назад он проиграл три тысячи рублей; теща поговорила с ним крупно; зато он дня три не говорил ни слова с женою, которая чуть не растаяла от слез на груди своей матери, и вот старуха купила ей примирение с мужем за но-

вые три тысячи». – «Какой ужас! чем кончатся все эти беспутства?» – «Разумеется, гибелью которого-нибудь из них, а, может быть, и всех». – «Бедный Г***, хорошо он сделал, что убрался на тот свет; недаром он так неохотно давал свое согласие на этот брак; сердце его слышало, что тут не будет ничего хорошего, – а впрочем, любезная Анисья Ивановна, возложим упование на господа; ведь он всем распоряжает». – «Оно так, матушка протопопица; но я от кого-то слышала, не помню хорошенько, что бог, давши умным людям в удел разум, предоставил и волю, как поступать, но дураков взял под свою опеку, и оттого дураки всегда и во всем счастливы». – «Хорошо, пусть и так! что ж из этого? – к чему вы это рассказали?» – «Да вот извольте видеть, – старая Г*** считается у нас женщиною умною; она же ведет себя так великолепно; с нами не братается; в выборе зятя ни с кем не советовалась, поступала по своему разуму, так бог тут уже и не вмешается». – «Эх, полно тебе, Анисья Ивановна, какая ты греховодница! Услышит тебя отец духовный!» С этим словом протопоп, как будто по призванию, явился пред двумя женщинами. Он дал благословение смиренно подошедшей к нему купчихе и сказал жене, чтоб приказала подавать чаю.

Чрез пять лет после этого разговора, я получила письмо от батюшки, в котором, между прочим, было: «от нас переведен в другой город Лидин и Атолин; жена Лидина сделалась теперь совершенной красавицею; но при всем этом в глазах моих много потеряла, ей недостает чего-то, или, луч-

ше сказать, она приобрела что-то до крайности невыгодное для себя; не хочу верить бумаге слухов, которым боюсь верить сам». Так оканчивалось письмо батюшки; мне некогда было останавливать мысль свою на догадках, что сделалось с Еленой и что такое она приобрела к своей невыгоде. Наступал грозный двенадцатый год, и пред ним, как пред ураганом, все притихло.

Отечественная война наша приходила уже к окончанию; неприятель пожимался от холоду в древней столице нашей и совсем, кажется, был не рад, что так далеко зашел, как в буквальном, так и в переносном смысле. В это время Главнокомандующий дал мне поручение в К., а как тут недалеко живет отец мой, то мне был очень приятен этот случай побывать дома и несколько отогреться.

Мне было так тепло и весело дома, что я на несколько дней совсем забыла дымные бивуаки, холодный ветер, мелкий дождь, крупный снег; шинель без подкладки и другие тому подобные сильные развлечения нашей воинственной жизни; мне казалось, что сутки сделались менее 24 часов, так быстро и невидимо пролетало мое время в кругу родных и знакомых; в числе последних была одна молодая дама. Образованный ум ее и приятное обращение очаровывали меня до того, что я проводила у ней одной все мои вечера часов до двенадцати. Мы так много находили о чем говорить, не касаясь ни пороков, ни слабостей ближнего, что долго не имели нужды прибегать к последнему ресурсу от скуки: к зло-

словию; но в один вечер что-то ни она, ни я ничем не могли заняться; ей не хотелось играть на своем фортепиано, мне не хотелось просить ее об этом! Она не имела охоты хвалиться мне своими рисунками, а я еще менее рассматривать их. С час уже сидели мы обе, не говоря ни слова, каждая в особливом углу дивана и каждая или пробегая мыслями прошедшее, или ища, что бы тут сказать, вдруг, как будто звезда покатила с неба, пролетел в памяти моей образ юной и прелестной Елены. Я поспешно спросила, и так скоро, и так громко, что П*** Н*** вздрогнула. «Знали вы Лидину?» – «Что это, как вы меня испугали!.. Лидину? Знала». – «Коротко?» – «Что вы разумеете под словом: коротко?» – «Ну, то есть, вы бывали у нее; она у вас; водили вместе хлеб-соль, как говорят в наших местах». – «Нет, я узнала ее, или, лучше, об ней, в такое время, в которое никто уж не водил с нею хлеба-соли, исключая людей, с которыми всякий хлеб покажется горек». – «Этому трудно поверить. Елена была сама кротость и непорочность в виде прекраснейшего из земных созданий!» – «Наружность ее еще и теперь такова, когда она молчит». – «Когда молчит? Вы от часу более удивляете меня! что ж такого в ней есть, когда она говорит?» – «В ней слышен тогда тот злой дух, который овладел теперь ею, как своим достоянием!» – «Еленюю!.. – Я встала с дивана: – Неужели вы так ужасно шутите?..» Вместо ответа П*** Н*** принесла мне небольшую тетрадь, мелко исписанную, в заглавии было крупными словами: от нечего делать. «Вот

вам плод моего праздного времени, возьмите это с собою, вечером в постели прочитаете: здесь все шесть лет замужней и безмужней жизни Елены». — «Как безмужней? разве она овдовела?» — «Почти овдовела; муж бросил ее и без вести пропал». Этого уже было много для меня! Сердце мое стеснилось: я любила Елену! я игрывала с нею в детстве, и мне казалось, что я еще и теперь вижу на цветном ковре и белой атласной подушке прекрасное годовое дитя!.. Я взяла тетрадь, а как на этот вечер всякая охота у нас к какому бы то ни было занятию совершенно пропала, то и решилась я идти домой лечь в постель и читать.

Через месяц после свадьбы Елены Г*** мать ее сидела у изголовья своего больного мужа; она вязала маленький чулочек, тонкий, как паутина; больной долго смотрел на ее занятие и наконец тяжело вздохнул. Старая Г*** поспешно бросила работу и наклонилась с беспокойством над кроватью мужа: «Что с тобою, друг мой? не хуже ли тебе?» — «Нет, все так же. Но для кого ты вяжешь этот крошечный чулок?» — «Для внушка!» — «Как ты вдруг при этом слове развеселилась! Слишком рано ты начинаешь готовить гардероб малютке, которого, может быть, никогда не будет». — «Ты, право, как зловещий ворон: с начала сватовства Лидина и до сих пор не перестаешь предчувствовать и предсказывать какие-то беды. Что с тобою делается? На чем ты основываешь свои губительные предположения, что Елена будет несчастлива?» — «На многом, друг мой! начнем с того, что мы отда-

ли дочь нашу, не знаем за кого!» – «Как?» – «Разумеется! Что мы знаем об Лидине, кроме того, что он Лидин?» – «Да что ж нам более надобно знать?» – «Как не то только, что он Лидин? это ли ты хотела сказать?..» Старуха замолчала: с четверть часа никто из них не начинал говорить; наконец жена сказала вполголоса: «Ну пусть так, что я поторопилась; ничего не развела ни о нраве, ни о состоянии, ни о происхождении Лидина; но до сих пор все хорошо; ведь чтоб так беспокоиться, как ты, надобно иметь какую-нибудь причину». – «Любит ли жену свою Лидин?» – «Души не слышит в ней». – «Чем ты это докажешь?» Старуха опять замолчала. «Впрочем, может быть, я пугаюсь напрасно! Не хочу отравлять материнской радости твоей заключениями, может быть, ошибочными, – прости меня, друг мой, что потревожил твое спокойствие, вяжи твой чулок, авось, бог милостив, и ты наденешь его на крохотную ножку внука или внуки. Мир, Фанничка, дай мне руку! не сердись?» Г*** со слезами прильнула к груди доброго мужа. «Теперь прости пока, друг мой, помоги мне оборотиться на другую сторону, я хочу заснуть».

«Есть ли в свете что-нибудь столь прекрасное, как молодая Лидина в трауре?» – говорил Атолин, возвращаясь с кладбища, на котором похоронен был старый Г***. Он умер неделю спустя после своего разговора с женою; сегодня минуло шесть недель со дня его смерти; жена и дочь пришли, по принятому обыкновению, помолиться на могиле покойника. Атолин, того только и подстерегавший целые дни, где

бы увидеть Лидину, узнав, что она будет на кладбище, пошел следом, будто прогуливаясь, спрятался в роще за оградой и смотрел с невыразимым восторгом на плачущую красавицу, стоящую на коленях и молящуюся на могиле отца; когда все кончилось на кладбище и когда Лидина с матерью уехали домой, Атолин отправился тоже к себе. Он шел тихо, задумавшись и потупя взор, твердил вполголоса что-то, упоминая имя Лидиной. Вдруг раздался близ его громкий и несколько дикий смех, он вздрогнул, поднял глаза, перед ним стоял Лидин. Лицо его показывало, что сегодня он ранее обыкновенного переполнил меру. «Здравствуй, дневной лунатик! Что ты так бредешь нога за ногою? Ну, брат Атолин, – воля твоя, а я давно замечаю в тебе расположение к сумасшествию. Что ты все бормочешь сам с собою?» Атолину всего в свете противнее был вид мужа Елены, и он всегда старался от него удаляться, так и теперь, сказав слова два в ответ на его фамилиарные шутки, хотел было уйти, но тот схватил его за руку. «Да куда ты, дикарь? пойдём ко мне: у меня сегодня поминовение тестю, так обе бабы, старая и молодая, велели тебя звать, пойдём!»

«По крайности, дай мне зайти домой одеться». – «Вот какие пустяки, ты и так красавчик хоть куда; да и в уме ли ты наряжаться на поминки? ведь это, брат, празднество слезное». Говоря это, Лидин не выпускал руки Атолина и тащил его усиленно с собою; лучшим делом было уступить; но молодой стряпчий с ужасом замечал, что Лидина разбирает хмель;

он боялся каких-нибудь сцен домашних, при которых ему не приводилось и не хотелось быть; но делать нечего, он идет в дом своего кумира и идет гораздо скорее, нежели бы хотелось, потому что пьяный Лидин шагает, как леший! Пред крыльцом Атолин употребил все силы вырвать свою руку. «Да пусти, братец, как тебе не стыдно! Неужели ты и в залу убежишь, как сорвавшийся с цепи? Ведь там твоя теща, старая женщина, священники; усмирись, пожалуйста». – «Мой дом! Вхожу как хочу, а ты, пожалуй, прокрадывайся себе на цыпочках».

С этими словами Лидин распахнул двери настежь и влетел, как бомба, и так же, как она, привел всех в расстройство. Чинное собрание священников, видя такое бурное вторжение владыки дома, переглянулось с беспокойством; бедная молодая побледнела и потупила заплаканные глаза; теща всплеснула руками и, не говоря ни слова, смотрела только с укоризненным видом на ворвавшегося сумасброда! «Ну что вы так все насторожились? Что сделалось, матушка! жена! не сердитесь! я сегодня очень печален». Важный вид священников исчез, не было возможности удержаться от смеха при виде печали Лидина. «Ну, хорошо, любезный зять, садись же за стол: мы только тебя и дожидались». Сели. Атолин, поместившийся против Елены, краснел и потуплял глаза всякий раз, когда муж ее начинал петь вместе с попами. После стола Лидин посадил жену к себе на колени и хотел было поцеловать, но, увидя (теперь только) что у нее глаза красны от слез,

грубо толкнул ее с коленей: «Опять плакала, вот нестерпимая плакса! скажи, пожалуйста, чего ты воешь с утра до вечера?., вечные слезы!., черт возьми такое супружество! пила бы вот лучше по-моему: жена во всем должна подражать мужу!!» Он пошел к двери, шатаясь: «Атолин, не уходи, брат, до моего возврата». К счастью своему, старая Г*** не была свидетельницей этой проделки; она хлопотала что-то по хозяйству и не имела горести видеть свою милую Леночку, получившую толчок с колен мужа. Атолин не смел взглянуть на Лидину и, улуча минуту, когда старуха заговорила с кем-то из причета, ушел, хоть это в провинциях и не водится, – ушел, не простясь. «Рано же, – думал он, – начал Лидин потчевать жену свою толчками; хотя эти толчки толкнут ее со временем ко мне в объятия, но я не хотел бы быть обязан своим счастьем такому жестокому средству! Ах, каннибал, каннибал! наложить руку, грубую, запачканную чернилами руку на эту чистую, непорочную голубицу! и когда же наложить! еще нет и полугода, как женат!»

В одно ясное майское утро мать и дочь сидели в чистой светло-голубой, богато меблированной комнате, обе за рукодельем: Елена за пяльцами у окна, старая Г*** с шитьем у столика; первая вышивала золотом по голубому гроденаплю⁵ пелену для церкви; старуха, пристрастившаяся к мысли – одевать собственными руками будущих внучат, шила точно такую же батистовую рубашечку, какую некогда носила ее

⁵ Гроденапль – шелковая материя.

Леночка. «Что ты так приуныла, дитя мое? целое утро я не слышу, чтоб ты сказала хоть одно слово; что с тобой – здорова ли?» Елена с пальцами сидела против окна, к нему лицом, а мать ее у столика за нею. Не получая ответа на вопрос свой, она взглянула на дочь и увидела против света, что оба уха ее пылают, как зарево. «Леля!..» Ответа нет, но что-то, как горох, застучало по туго натянутому гроденаплю. Встревоженная мать поспешно встала, подошла к дочери, обняла ее одною рукою и, наклонясь к пальцам, увидела, что работа ее вся смочена слезами; хотела заглянуть в лицо, но Лидина наклонила голову почти к самым пальцам, на которые градом падали крупные слезы. «Леленька! что с тобою, дитя мое?» – спрашивала испуганная и опечаленная мать; она хотела поднять ей голову, хотела взглянуть в лицо, хотела поцеловать ее и не могла. Старание Елены прятать лицо от матери так встревожило эту последнюю и такое странное подозрение внушило ей, что она сильно подняла дочь свою с места. «Елена! смотри мне в лицо», – сказала она таким голосом, по которому Лидина поняла, что мать ее отгадала все. Она подняла голову, взглянула на мать и в ту ж секунду упала, рыдая на грудь ее... Правая щека молодой женщины горела багровым огнем... «Так вот уже как?..» – произнесла Г*** глухим, могильным шепотом! Она села опять на свое место; посадила дочь к себе на колена и сильно жала ее к груди своей, говоря прерывающимся голосом: «Дитя сердца моего! драгоценнейшее сокровище мое, простишь ли ты

мать свою, что она толкнула тебя в бездну зол! что мне теперь делать?.. пойду на могилу моего доброга Алексея, умереть от раскаяния!..» – «Полноте маменька! не плачьте, моя родная», – говорила Лидина, целуя глаза матери и отирая платком слезы ее, ручьем катившиеся по лицу бедной старухи. «Как же это было, дитя мое?.., мое милое, мое бедное дитя! о, я несчастнейшая из всех матерей!.., могла ли я думать, что увижу этот знак бесчестия – этот адский румянец на чистом, непорочном лице моего дитяти! и не дрогнула эта нечестивая рука при виде такой красоты! как же это было, моя Леля?» – «Ради бога, маменька, не спрашивайте, – говорила Лидина, начиная снова плакать, – и если вы дорожите моим спокойствием, то не говорите и ему ни слова». Так кончилась эта сцена, давшая первое понятие старой Г* **, как хорошо пристроила она свою Леленьку. С того дня исчезло все для нее; будущее представилось ей длиною цепью несчастий; она уже не работала для внучков; тоска грызла ее сердце, и вид багровой щеки ее дочери не выходил из мыслей ни на минуту; даже во сне она болезненно стонала и говорила: «На твоём лице, дитя мое, напечатан знак поругания! я! я напечатлела его!.. горе мне!..»

Между тем Лидин, два года женатый и ни о чем так мало не думавший, как о своей жене, совершенно предался всем излишествам: он пил, играл, мотал и содержал любовниц. Старуха теща с год томилась еще, наконец пала под бременем горести и раскаяния; за час до смерти она собрала по-

следние силы и стала пред дочерью на колена: «Дитя мое! прости меня!.. ты погибла! но я... я, несчастная, хотела тебе лучшего! я хотела тебя пристроить!..» Горестно рыдая, подняла Лидина мать свою и отнесла ее на постель; через час она обнимала уже бездушное тело.

Вечером того дня, когда похоронили старую Г***, Лидина, утомленная горестью, слезами, хлопотами, бросилась на диван. Взор ее грустно переносился с одного предмета на другой: все вокруг ее было золото, шелк, атлас, бархат; все богато, великолепно, со вкусом; всего этого она полная хозяйка, полная обладательница. Но что ей в этом? Страх теснил младую грудь ее; она теперь одна, совершенно одна, беззащитно предана во власть мужа – буяна, пьяницы и картежника! Страстная любовь, помогавшая ей извинять и переносить терпеливо подлость поступков его, от жестокого обращения погасла, и в душе ее не осталось другого чувства, кроме страха. В полном смысле следовала она приказанию, возглашаемому в церкви: «жена да боится своего мужа!» и боялась своего, как лютого зверя. С полчаса лежала она, помышляя о матери, о первых днях своего супружества, о красивой наружности своего негодяя мужа; вздрагивала при всяком шуме, прислушивалась, и если казалось ей, что идут по лестнице, то она обмирала от страха. Наконец все затихло, наступила ночь. Елена не велела подавать огня себе и задремала тою дремотою, которая несравненно хуже бессонницы. Всякую почти минуту она с испугом подымала голову, быст-

ро взглядывала на дверь и опять упала на подушки; наконец натура уступила, Елена заснула глубоким сном; но около полуночи ужасный стук, потрясший весь дом, заставил ее в беспамятстве броситься к дверям, которые в ту же минуту с треском растворились от удара ноги пьяного Лидина. «Здравствуй, голубушка моя, женочка, и прощай, милочка!.. еду в уезд! вели подать вина!..» Он бросился на диван. Лидина, обрадованная, что ее встретили не бранью, позвонила, чтоб велеть подать огня и вина. «Ну, что заблаговестила, поди сама!..» Елена поспешно вышла. Когда свечи и вино было принесено, Лидин велел жене сесть подле себя и смотрел на нее глазами, в которых как будто проглядывало сожаление. «Я напугал тебя, бедняжка, извини! спешил очень; надобно до свету выехать!» Он налил себе стакан шампанского. «Вели, пожалуйста, подать другой». Елена молча повиновалась. Несмотря на покойный тон голоса, каким говорил с ней муж, сердце ее жестоко билось; ей уже не новое было видеть внезапный переход от кротости к неистовству; она поставила другой стакан на поднос и села опять подле мужа. «Итак, Леля, теперь мы с тобою остались одни. Стариков нет! ты да я, я да ты – полновластные обладатели всего видимого и невидимого богатства нашего, – говорил он, обводя глазами обои, зеркала, занавеси, кенкеты, люстры и прочие мебели и украшения комнат. – Богато! красиво! – воскликнул он, выпив стакан и стукнув им об стол; – славную жену подцепил!! молодец, Лидин!!» Все это говорил он сам с собою,

не обращая внимания на трепещущую жену свою, которая сидела, не смея ни пошевелиться, ни встать, ни уйти. Вдруг он повернулся к ней: «Лелечка! ангелочек мой! любишь ты меня?..» Разумеется, надобно было отвечать утвердительно. «Докажи же мне это!» – «Что тебе угодно?» – «Выпей этот стакан вина!» Как ни боялась Елена какого-нибудь неожиданного взрыва от своего мужа, но этот новый способ доказывать любовь показался ей так забавен, что она захохотала, как дитя, и сейчас взяла в руки стакан. «Постой, постой, душенька! чокнемся!» – и Лидин приблизил свой стакан к ее, дотронулся, или, как говорит он, чокнулся, выпил и смотрел на жену, любуясь, как она с расстановкою и отдыхом старалась выпить огромный стакан, до краев налитый шампанским. Она не смела и подумать не допить; ведь это было доказательство любви... Елена чувствовала себя в странном расположении духа: она смотрела без боязни на своего мужа, говорила с ним смело, громко, отдавала приказания людям, не выходя уже для этого потихоньку из комнаты, как то делала прежде, и звонила раз десять, почти без надобности. Во все продолжение такой необычной бодрости своей молодой жены Лидин сидел покойно, пил свое вино и, не показывая ни малейшего вида нетерпения, изредка говорил только: велите поскорее укладываться. «Что он долго не едет», – сказал наконец Лидин, допив последний стакан и вставая с дивана. «Кто, друг мой?» – «Атолин. Мы едем вместе, – нам в одну сторону; надобно послать за ним...» В эту минуту

послышался заливной звон многих колокольчиков, и чья-то повозка с громом подкатилась к воротам... «А, вот и он!» Атолин всходит тихо, чтоб не обеспокоить опечаленную хозяйку. Яркое освещение комнат не удивляет его, ведь Лидин дома, даже и толпа пирующих гостей, если б была тут, не была б диковинкою в этот похоронный вечер, или, лучше сказать, ночь; но он все-таки думает, что Лидина в своей спальне плачет о матери. Итак, он входит с осторожностью, почти на цыпочках... Громкий хохот Лидина и восклицание: что ты крадешься, Атолин? никто не спит, – заставило его отложить ненужные предосторожности; он вошел в гостиную, и скорее бы он поверил глазам своим, если бы увидел старую Г*** воскресшую, нежели Елену с веселым видом, алыми щеками, блестящими глазами, смело смотрящими!! Она стояла за стулом своего мужа, наклонясь несколько на его плечо; одна рука ее обвивала его шею, а другую она то приглаживала, то ерошила его волосы. Лидии, хотя развратный и буйный человек, был, однако же, не глуп: изумление Атолина не укрылось от него. «Вот, как мы нынче поживаем, – сказал он, взяв руку жены и целуя ее. – Как бы ты думал, Атолин, какой хитростию унял я слезы моей Леночки? заставил ее выпить вот этот стакан, полный вина!» Атолин взглянул на стакан, на который Лидин указывал, взглянул на Елену, продолжавшую играть волосами мужниной головы, и остановил глаза свои на Лидине. «Что ж? не веришь». – «Если ты не шутишь, то...» – «То что?» – «Не было б вредно!» – «Вот

какой вздор! вино цельное! моя Леля любит меня! она и еще выпьет стаканчик; не правда ли, Леночка?» Говоря это, он закинул голову назад и, охватя обеими руками жену, приклонил ее к себе и поцеловал несколько раз, по обыкновению пьяных, как можно крепче. «Скоро рассветает, – сказал испуганный Атолин, – я поеду; нам надобно бы до дня приехать на место!» Он поклонился Лидиной и хотел идти. «Постой, постой! куда ты так спешишь?» – «Ты, я думаю, слышал, куда. Прощай! я буду ждать тебя на месте». – «Нет, нет, – я сию минуту еду!» Он вскочил со стула, пошатнулся, сказал жене отрывисто и не глядя, прощай! и побежал за Атолиным. Через три минуты обе коляски гремели уже по мостовой с неистовым звоном всех колокольчиков, и наконец весь этот гам, становясь тише, тише, замолк совсем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.